

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ЗНАТЬ – ЗНАЧИТ БЫТЬ. ОБРАЗОВАНИЕ КАК РАЗВИТИЕ

А.И. Неклесса

*Лаборатория «Север – Юг» Института Африки РАН
Комиссия по социокультурным проблемам глобализации,
бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН*

История есть перманентное обновление человека. Как показано в статье, сегодня социальная вселенная переживает очередной транзит в новое, неравновесное, возможно перманентно подвижное состояние. Пребывая в ситуации борьбы за будущее, антропологический универсум продуцирует инновационные формы организации общества. Усложнение социокосмоса провоцируется и сопровождается аксиологическим и гносеологическим кризисом. Оно также сопряжено с генезисом сложноорганизованной личности, освоением новых когнитивных пространств и кодов самоорганизации. Основа исторического процесса – революция сознания. Точнее, личностная эволюция – это, в сущности, и есть главная субстанция, квинтэссенция истории. Человечество в своем развитии преодолело несколько рубежей, связанных с распространением того или иного типа сознания в качестве доминантного. Степени осознания и актуализации антропологического времени: удержание – обретение событийного ряда, сшивание ткани бытия, «память»; инерция – монотонность, цикличность часов, «хроника», «срок»; намерение – целеполагаемое время, «проекции», «фантазмы»; действие – реализуемое время, «перемены», «героизм»; пробуждение – полноценное бытие как плод самоосознания себя как личности, освобожденной от тирании времени и обстоятельств.

Ключевые слова: история, будущее, глобальная трансформация, цивилизация, мировидение, сознание, мышление рефлексорное, синхронистичное, диахронное, синергийное, деструктивное, личность.

Действовать – значит решиться думать иначе,
нежели думал прежде.

Мишель Фуко

Образование элиты

Элиту можно понимать по-разному. Бернарду Маламуду принадлежит сентенция: *«Когда нет героев, все мы – лишь обыкновенные люди и не знаем, насколько далеко способны зайти»*.

Жизнь – это шанс. Аристократия, герои, лидеры, праведники: слова, деформированные скепсисом, стертые от плоского употребления, обозначают тех, кто в несовершенном, земном естестве воплотил черты взыскуемого идеала – лучших, достойных, могучих, умелых, великодушных, одаренных личностей. Людей, расширяющих диапазон возможностей, повышающих эталон человеческих качеств, демонстрируя оппозицию подлому состоянию. Людей, пребывающих в статусе само- и мирозидания, способных к немислимым свершениям, жертве, удержанию и преодолению зла, демонстрации добродетелей, достигая в том числе не всегда очевидных окружению, но впечатляющих потомков результатов.

Эти люди подобны искрам в ночи: те, кто извлекают из повседневности музыку сфер, поддерживают человечность, дают надежду современникам, пестуют слабеющий дух поколений, те, в чьей жизни мелькнул гений и ощутимо усилие по извлечению сущности из прагматики – в чем-то они сродни образу барона, за волосы тянущего и вырывающего себя из болота.

В мире, искажаемом мерзостями быта и немощью людской природы, некоторым даны во владение дух, интеллект, сила, состоятельность, талант, динамичная несуетливая структура личности, особая ритмика жизни. Им свойственны стремление заглянуть и шагнуть за горизонт, тяга к познанию и самопознанию, способность к умному действию, искусство трансформации: шанс, пережив трансмутацию, реализовать преобразование.

Субъект существует (является таковым) посредством объекта, то есть в творческом акте и ради результата *со-бытия* – сути жизни. Талант есть дар свободы: невечерний свет, нечаянная радость, благодать; но если не используется либо используется уродливо, он утрачивается. У разных даров свои маршруты. У духовных – лестница, у интеллекта – образование, характер – сопряжен с благородством, богатство – с состоятельностью. Герои способны преодолевать препоны земных ограничений, усмирять суггестию деспотизма, даже отстранив стражей аутопоззиса, пренебрегая инстинктом самосохранения. Порой жизнь венчает явное либо скрытое мученичество, одиночество на пиру, но обретаются путеводные звезды.

Весьма различны понимание и цена печати/клейма избранности в несхожие меж собой зоны.

Элитная траектория в Элладе – органичная трагедийность в глубинах изгойного естества, а на поверхности – катавасия: прихотливый смех обыденности над ней, то ли, горький, над собой (*«над кем...»*).

С точки зрения мироустроительного действия того времени (*практис*, πράξις) и знания как житейского опыта (*фронесис*, φρόνησις) выдающийся человек, в том числе политик, правитель, подвергается искушению *дерзостью*, сейчас мы назвали бы это *амбицией*, эллины же определяли как *гибрис* (ὑβρις). Что вело к сужению кругозора – *ата* (ἀτη); совершению трагической, фатальной ошибки – *гамартия* (ἁμαρτία); отсроченному, но неизбежному моменту истины – *анагоризис* (ἀναγνώρισις), с осознанием вскрывшейся истинной ситуации и своего реального положения, сопровождающегося внезапно обрушивающимися переменами – *перипетией* (περιπέτεια), то есть *превращением действий в их противоположность*. Иначе говоря, запускалась роковая последовательность событий – *ананке* (ἀνάγκη), приводящих в конечном счете и властителя (как человека), и управляемое им общество к *катастрофе* (καταστροφή): персональному возмездию и угрозе общего распада – *немесис* (νέμεσις). В неотвратимости данной механики проявлялся тяготевший над человечеством фатум.

Здесь дистанция от казни новаторов к скепсису относительно судьбы героя, добровольному мученичеству, гуманистическим идеалам, обретению суверенитета и пафосу личности, индивидуации и далее к меритократическим сюжетам постсовременности.

Пайдейя

Центральная категория в мире образования – *пайдейя* (παιδεία) – появляется в древнегреческой философии (сначала в софистике) не позднее V в. до н.э., определяя влияние на природу человека, развитие души и устремленность его деяний.

Лексема «образование» обладает двойным звучанием. Это воплощение образа (ср. икона, идеал, то есть цель), и это – творение (ср. лепка человека из праха, то есть процесс). Результат достигался культивацией и гармонизацией внешних и внутренних качеств, что определялось как *калокагатия* (καλοκαγαθία), ведущая к обретению превосходных степеней достоинства: *арете* (ἀρετή) или *аристос* (ἀριστέως).

У Платона пайдейя онтологична – она смысл жизни, путь к бессмертию. Душа посредством пайдейи способна обрести аподиктическое знание и удержать в вечности эссенцию бытия. Ее облагораживающее действие имеет, кроме того, политическую компоненту, ибо, трансформируя стражей и правителей, предопределяет состояние государственного устройства. Это напоминает связь правильного поведения индивида (этики) с гармоничным обустройством групповых взаимоотношений (политики) у Аристотеля, но есть существенное различие: Стагирит рассматривает образование/воспитание не как элитарное действие, но средство преобразования толпы в сообщество. Основу благосостояния государства он видит не только в *арете* правителей, их моральном, интеллектуальном гегемонизме, но и в куль-

турном статусе населения, что превращает пайдейю в социальный императив.

Развитие сюжета – сближение мудрости с благодатью в эллинизированном иудействе и христианстве. (Отголосок сюжета – в современном запросе на наличие у политика «харизмы»).

Образованный человек не просто грамотный, знающий индивид: «многознание уму не научает» (Гераклит), но «образовавшийся», нашедший и прошедший пайдейю – изменившийся, проснувшийся, обретший себя, переживший второе рождение, уникальный. (Ср. рассуждение о вероятном содержании третьей части эпоса Гомера про крестный путь Одиссея со странным «веслом» на спине). Образование/воспитание предполагало обладание тремя свойствами-умениями: «хорошо мыслить», «хорошо говорить», «хорошо действовать» (Демокрит). Древнегреческая система в перфекте формирует не профессионала, а личность. Для свободного человека главной целью мыслилось не освоение инструментария для карьеры, но полноценное развитие, то есть именно «лепка» себя: самосозидание.

Вспомним (правда, несколько иначе акцентуированную) историю о предельном мастерстве скульптора Пигмалиона и ответе богов – трансмутацию Галатеи. И заодно сравним с воспитательными созвучиями в историях Пиноккио и Буратино при выразительном различии судеб: один становится человеком, другой обретает предприятие и богатство.

Обучение и развитие

Система обучения изначально была разделена на две ветви, сохранявшиеся долгое время в виде «ремесленного» и «гимназического» типа образования. Это обучение той или иной профессии (ремеслу), чаще в рамках родовой или кланово-корпоративной структуры, и стоявшее несколько особняком универсальное (гуманитарное) образование.

В Древнем мире структура гуманитарного образования была «профессионально», то есть религиозно ориентирована и носила в целом (нечетко) трехступенчатый характер: училище писцов – *эдуббы* («дома табличек») и т.п. – в сущности ремесленное образование, но широкого профиля, характер которого постепенно усложнялся; жреческая (кланово-родовая) подготовка; эзотерическое (индивидуальное) обучение. Последняя в Древней Греции из системы подготовки мистагогов (руководителей мистерий, о которых известно слишком мало) трансформировалась также в эзотерическую, но переходную по своему характеру школу Пифагора, о которой известно заметно больше.

Более светский, точнее более открытый характер был у философских школ и «мастер-классов» того времени, экзотерический образец которых – полигистор («всезнайка») Гиппий. Гуманитарный (умозрительный, философский) тип образования носил дисциплинарный характер, включая однотипный набор предметов: соединение пифагорейской («молчаливой») моде-

ли (арифметика, геометрия, астрономия, музыка) с искусством диалога-дискуссии софистов (грамматика, диалектика, риторика), что породило классическую семирицу образовательной энциклопедии (ἐγκύκλιος παιδεία – «полный круг обучения», «энциклопедия»). Древние греки также различали, стратифицировали интеллектуальные занятия и профессиональные умения, связанные с физическим трудом (выделяя при этом в особые категории труд земледельца, спортивные доблести и воинские искусства), то есть статусно разделяли созерцательную/деятельную мудрость и механическое ремесло (мастерство).

Принципы древнегреческой образовательной системы влияли на характер и форму образования в последующие века и тысячелетия, хотя мусическое и гимнасическое образование Афин, конечно же, заметно отличалось от военного воспитания Спарты (но военное обучение присутствовало и в афинском обществе – в формате эфебий, особенно в ранний период).

В целом афинская схема организации общего (гуманитарного) образования в развитой форме эллинистического периода была примерно таковой:

– начальная («элементарная») школа: чтение, письмо, счет и обязательно – физические занятия;

– грамматическая («вторая» или «средняя») школа: чтение книг, имея в виду понимание, усвоение содержания;

– наконец, «высшая», философская/риторская школа обеспечивала гармонизацию знания и личности: публичное рассуждение (риторика, политика), философия, медицина.

По образцу школы в Афинах, расположенной у Акрополя, заведение, дающее философское образование, в течение столетий именовалось атеней или афинею (ἄθηναιον – афинеион, афинеум, атенеум). Каждая из школ имела особенности, основывалась и возглавлялась яркой личностью.

Наиболее известна Академия Платона, располагавшаяся в садах героя Академа, основанная в начале IV в. до н.э. и просуществовавшая как институционализированное сообщество с видоизменениями (выделяют пять философских школ) и коллизиями (вплоть до временного переезда в Рим) до начала VI в. н.э., то есть едва ли не тысячелетие: более девяти веков. Основным методом обучения был диалог (диалектика): «искусство правильно спорить посредством рассуждения». Предметы преподавались в основном те же, что в иных версиях высшего гуманитарного (философского) образования: математика, астрономия, физика (натура, естествознание) и т.п.

В ряду прославленных школ – Лицей, основанный Аристотелем в зените славы (335 г. до н.э.), со знаменитыми прогуливающимися «перипатетиками» («*Λύκειοι Περιπατητικοί*»), расположенный недалеко от Афин возле храма Аполлона Ликейского, где учил Сократ.

Афинские античные школы во главе с платоновской Академией – наиболее влиятельным философским, научным, образовательным комплексом своего времени, – были высланы императором Юстинианом в 529 г. за пределы империи. Они перемещаются на восток в сасанидскую Персию Хосро-

ва Ануширвана I, обретая пристанище в расположенном восточнее Суз Гондишапуре, который наряду с Александрией, Эдессой, Багдадом, Нисбисом, Мосулом, Звартноцем являлся одним из ведущих «научноградов» тех дней. Обосновавшись в конце концов в византийской части Месопотамии – приграничном Харране (центре сабеизма), Академия просуществовала еще несколько столетий, до конца XI в., и была одним из основных источников распространения античных знаний, поспособствовав, в частности, развитию исламских «университетов». (Старейший из действующих основан в конце IX в. в городе Фес в нынешнем Марокко.) Преподавали в них богословие, грамматику, риторику, логику, математику, астрономию, музыку, а также химию, медицину, историю, географию.

Переписываемые, редактируемые и переводимые преимущественно на арабский язык (во времена халифата) античные трактаты заметно влияли на мусульманскую религиозную, философскую мысль. Затем это интеллектуальное наследство, многократно переведенное и частично переосмысленное (к примеру, в интерпретации аверроизма¹), различными путями возвращается в христианскую ойкумену и, в свою очередь, интенсивно воздействует на теологические дискуссии, философские диспуты средневековой Европы.

В эллинистическом мире существовали и другие центры, концентрировавшие, развивавшие, транслировавшие умственную деятельность, создавая собственные образовательные системы, восходившие, однако, к прежнему образцу. Ведущей интеллектуальной корпорацией являлась Александрия с ее обширной библиотекой и музеем. Правда, с течением времени изменился смысл данных институций: *библиотека* (βιβλιοθήκη) представляла не просто грандиозное собрание трудов, но обширный цех писцов-переписчиков, то есть предприятие по репликации текстов, обеспечивая рукописями практически все пространство античного мира, а *музей* (μυσεῖον) – дом Муз – был образовательным учреждением, то есть подобно Академии и Лицею имел покровителей, давших название.

Римское образование было организовано в древнегреческом стиле и носило преимущественно частный характер. В его основе лежало изучение девяти дисциплин: грамматики, диалектики, риторики, арифметики, геометрии, музыки, астрономии, медицины, архитектуры. В систему обучения входили также изучение права, философии и физическая подготовка. Император Адриан в 135 г. основывает первое государственное образовательное учреждение: римский Атеней (Athenaeum – *ludus ingenuarum artium*, позднее его называли Schola Roma), который просуществовал до V в.

Честь обоснования и систематизации европейского высшего образования по традиции отдается Марциану Капелле, жившему в V в. в Карфагене. В трактате «Бракосочетание Филологии и Меркурия», то есть союз телесного воплощения знания и божественного разума (ср. «прометеев огонь»), Ка-

¹ Так, Средневековая Европа прочитывает Аристотеля в толковании Ибн Рушда в латинском переводе еврейского изложения комментария к арабскому тексту, основанном на сирийском переводе с греческого.

пелла очертил два образовательных комплекса: ступени, ставшие каноном европейского университетского образования. Первая – тривий («перекресток трех дорог»), включала грамматику (совершенствование языка), диалектику (совершенствование мышления), риторику (совершенствование речи, коммуникации). На второй ступени – квадривии (перекрестке четырех путей) – изучались геометрия, арифметика, астрономия, музыка.

В 425 г. римский Атеней обосновывается в Константинополе. Там изучают философию, право, ботанику, медицину. В 848 г. его статус повышается: при Михаиле III (современнике «каролингского возрождения») Пандидактерион перемещается в помещение Магнаврского дворца и получает известность как Магнаврская школа. Впоследствии, следуя европейской традиции, ее порой называют «Константинопольским университетом».

Noblesse de robe

Новая ситуация, возникавшая во втором тысячелетии в Европе и определившая облик цивилизации вплоть до наших дней (современность, *modernity*), в значительной мере связана с распространением городской культуры. В этой среде был иначе сформулирован запрос на знания, что породило, в частности, такой институт, как университетское образование.

В средневековой Европе и ранее возникали различного рода сообщества, регулирующие социальные и профессиональные отношения: от клятвенных союзов, фемических судов, коллегий орденов до производственных объединений: цехов (со своей системой обучения механическим искусствам: ученик, подмастерье, мастер) – корпораций, обладавших привилегиями. Система образования – освоение и трансляция знаний, в период темных веков сохранялась в асимметричном комплексе, включавшем монастырскую школу, орденскую коллегию, светский *Studium Generale*. Предпринимались и попытки возродить центры высшего образования, подобные прославленным образцам Античности. На рубеже VIII–IX вв. Карл Великий, принявший римский императорский титул, основывает собственную «дворцовую академию» во главе с прославленным Алкуином. Период культурного созидания (при участии таких лидеров ученого мира своего времени, как Эйнгард, Ангельберт, Рабан Мавр, Седулий Скот и отец средневековой философии – Иоанн Скот Эриугена) продолжался также некоторое время после смерти Шарлемана и порой определяется как «каролингское возрождение».

Европейские же университеты (*universitas* – совокупность землячеств) – социогены Нового времени, автономная социализация знания. Университетским корпорациям, обладавшим специальным правовым статусом (самоуправлением и экстерриториальностью), всему сообществу *noblesse derobe* (дворянству мантии) принадлежит особая роль в процессе гражданского обустройства и переустройства Европы. География продвижения университетской культуры аналогична траектории распространения самой городской культуры нового типа: от «Италии» к «Франции», Англии...

Университет формируется на основе дисциплинарного изучения свободных искусств², отличных от ремесленного мастерства, искусств механических, – разница тут примерно такая же, как между «вольным (свободным) каменщиком» и просто каменщиком как профессией, а также на базе медицинских, юридических школ, систем теологического образования (*схолластики*). Тривиальное образование вкупе с более изощренными знаниями квадривия (то есть изучение семи свободных искусств) давало звание магистра, окончившие же одну из трех докторантур: юридическую, медицинскую или теологическую – получали звание доктора.

Формирование европейской высшей образовательной системы приходится в основном на XII–XIV вв., предваряя Ренессанс и Реформацию. Так, на основе корпорации врачей, сложившейся в IX в. в Салерно, занимавшихся не только лечением, но и обучением врачебному искусству, в XI–XIII вв. складывается полноценная медицинская школа. А на основе сформировавшейся в X–XI вв. юридической школы был создан старейшина европейских университетов – Болонский, получивший в 1158 г. от Фридриха I Барбароссы свои привилегии, то есть став университетской корпорацией. Причем корпорацией особой – *студенческой*. Это была не ассоциация профессоров (*universitas magistrorum*), а союз студентов (*universitas scholarium*), причем пост ректора мог занимать лишь школяр, преподаватели же (*doctores legentes*) выбирались студентами на определенное время и получали гонорар по договору. В то же время профессура освобождалась от налогов и военных повинностей, а имевшие звание *dominus* (то есть не просто магистры свободных искусств) получали права граждан города и входили в сословие рыцарей.

Древнейшими университетами Европы, помимо Болонского, считаются фактически образованные в XII в. Оксфорд, Парижский университет (Сорбонна) и Саламанка. К славной когорте принадлежат университеты Кембриджа, Монпелье, Падуи, Неаполя, Тулузы, Коимбры, Мадрида. В XIV в. университеты появляются в Риме, Авиньоне, Орлеане, Перудже, Флоренции, Гренобле, Пизе, Праге, Павии, Кракове, Вене, Гейдельберге, Кельне, Будапеште, Эрфурте. В XV в. – в Турине, Лейпциге, Ростокке, Базеле и других местах³.

Но в XV в. в социальной и культурной жизни развиваются процессы, повлиявшие не только на траекторию университетской культуры (на полях отмечу лишь появление книгопечатания), но и на весь строй европейской жизни.

² *Facultas atrium: artes liberalis, liberalia studia, artes doctrinae, artes ingenuae, artes bonae* (то есть свободные, истинные, изящные, дисциплинированные, благие искусства).

³ На территориях Речи Посполитой, относящихся к Великому княжеству Литовскому, в XVI в. основывается Острожская славяно-греко-римская школа (1576), в начале следующего, XVII столетия: Киево-братская школа (1615), преобразованная в Киево-Могилянскую коллегию (1631–1701), а затем, уже в составе Российской империи ставшая Киево-Могилянской академией (1701–1817). В России высшее учебное заведение – Славяно-Греко-Латинская Академия – было основано в 1686 г., а в XVIII в. образованы Академический университет в Санкт-Петербурге (1724) и Московский университет (1755).

Homo Virtuoso

Европа пережила столкновение античного и христианского мировидения, прочие цивилизационные, политические, культурные неурядицы, споры по поводу путей богопознания, конкуренцию стратегий миростроительства. И, как правило, очередным развилкам истории предшествовало обострение всей суммы конфликтов, разногласия диспутов, разброд элит.

Один из подобных перекрестков можно обнаружить в середине второго тысячелетия. Интенсивное развитие городской среды, кризис прежних иерархий, масштаб географических открытий, новые форматы экономики, иной контур политических объединений, пролагавших путь к национальному государству (и феномену *идеологий*: национализму, либерализму, социализму), обилие технических нововведений, созидание новой культуры, книгопечатание, смена самоощущения обитателей *Universum Christianum* вплоть до реставрации характерного для первых веков выражения *homo modernus*, – все это приходится на период, получивший определение Ренессанса, а после турбулентностей Реформации стало современностью или Новым временем.

Университетская культура также переживает кризис. Переосмысливается иерархия и номенклатура знания, происходит переворот в понимании целей образования, отход от схоластики, возвышение гуманитарного знания (*studia humanitatis*), генезис свободного испытания и осмысления природы, зарождается феномен, получивший определение гуманизма.

Гуманисты (ораторы, риторы) – социальная генерация, которая по своему ответила на вызов влиятельной плеяды интеллектуалов, тесно связанной с церковью (профессура – одновременно клирики) и обремененной путями деловой, официальной (муниципальной, государственной) практики. Разросшаяся университетская корпорация выражала и поддерживала интересы своих членов, однако, с точки зрения гуманиста, сковывала становление личности и ограничивала ее горизонт.

Гуманизм – это вселенская образованность как квинтэссенция человека; смысл жизни видится не в формальном статусе, но в развитии способностей, преобразовании себя в гармоничный шедевр, «эстетически законченную форму», то есть созидание и предъявление Богу *homo virtuoso* (наподобие предъявления мастерам шедевра и профессуре диссертации в цеховой и университетской корпорациях). Христианская музыка сфер (мировая гармония) обретает громкое звучание. Она не только дарит возможность разомкнуть роковые кольца фатума, обратившись к колесу фортуны, но указывает путь, ведущий к освобождению от капризов последней. Добродетель побеждает и преображает фортуны, открывая наряду с потенциями свободной воли неясно звучащий в сбивчивых ритмах быта и бытия замысел Провидения.

Земной путь проходит по лезвию бритвы, трагизм реальности бывает скрыт иллюзией торжества в финале. Вспомним, и на этот раз с большим пониманием, драматизм разночтения, казалось бы, схожих судеб (а также

подспудно прописанных кодов практики): различие *анофеоза* Пиноккио и Буратино – изживание неотесанности, превращение в человека и сладость мести вкупе с обретением земного богатства⁴.

Гуманисты ставили себя выше семи искусств как ремесла, обучения как профессии, предпочитая образование, то есть постижение того, что отражает целостность человеческого духа, иначе говоря, проблемы этические и эстетические⁵. Их стихия – свободное рассуждение, а не ригористичная схоластика, *otium* (досуг, спокойствие), а не *negotium* (дело, беспокойство, коммерция) или *ufficio* (канцелярия). Понятие «рыцарства мантии» переосмысливается, ибо для истинного знания нужна отвага. Самореализация в понимании гуманиста – христианский долг, подвиг, доблесть. Это иное и новое прочтение мира светских духовных практик.

Разум – дар, отличающий человека от животного и ведущий к богоподобию. Знание освобождает и облагораживает; чтобы знать, надо понимать, но чтобы понимать, надо быть. Знание само по себе сила. Оно не просто симптом учености, но творчески освоенное, преображенное в *филологию* – признак развития, воспитания души, своего рода проводник, вожатый к святости (ср. роль Вергилия у Данте). Стадии духовного маршрута – классическое, то есть гуманитарное образование (*study of humanities*) и последовательное обретение качеств: приветливости, доброжелательности, кротости, воспитанности (светской дисциплинированности), пронизательности, человечности, видения сути людей, вещей и порядков (*civil, soft, gentle, wise*). Это утешение и воодушевление себя и других, иная историческая перспектива, социализация христианства, рождение светской *интеллигенции* в изначальном значении категории *intellegentia* и как синтез образованности и нравственности.

Отсюда, однако, появляются сложности в понимании воспевания гуманистом «сладости бытия» (*dolzzade vivere*, ср. знаменитое *dolce vita*) – здесь можно увидеть те же отголоски, абберации, обертоны, что и в коллизиях Лангедока, Прованса, связанных с культурой «миннэ» (упомянув Вергилия, не забудем о Сорделе)⁶. С другой стороны, сохраняется прежняя ориентация на внешнюю результативность интеллектуальной практики: вектор мышле-

⁴ И даже более того: обретение отмеченной знаком молнии сокровищницы в некотором смысле «подземной» и «театрализованной», имеющей облик, но лишенной сути («иллюзорной», «прелестной» – «рая для кукол»). Тут ощутима та трагедийность и тот грех, за который актеров долгое время хоронили вне церковной ограды: проклятье профессионального лицедейства, чреватого вечной игрой, несмываемой маской, то есть утратой подлинности.

⁵ Ср. Сенека: «Ты желаешь знать, что я думаю о свободных науках и искусствах. Ни одно из них я не уважаю, ни одно не считаю благом, если плод его – деньги... Пролагается ли дорога к добродетели объяснением слогов?».

⁶ Характерен кодекс гуманиста в изложении Лоренцо Валла: общение с подобными; изобилие книг; комфортное место; свободное время; внутренний покой (ср. позднее и не всегда правильно толкуемое выражение: «*джентльмен не работает*» или также знаменитое «*don't worry, don't hurry, don't carry*»). В подобном контексте по-иному видится генетика многих влиятельных европейских течений мысли и действия, к примеру, ментальность, аксиология и мироустроительные ориентиры Карла Маркса.

ния остается эксплицитным, его результат отчуждаем, и, хотя он не вещь, но путем аппроксимации и утилизации становится таковой, попадая в итоге на рынок, хотя и специфический («купцы света»). Одним из следствий чего стало повышение роли и статуса искусства уже в нынешнем понимании, то есть произошло его облагораживание⁷.

Возникают институты, связанные с происходящей трансформацией: на смену университету приходит академия. Ее особенность в том, что это не корпорация, а союз, собрание, сообщество: свободное объединение тех, «кто вынырнул». Ревизии подвергается сама суть свободных искусств – основанием квадривия видится теперь универсальная гармония как эстетика, а предметы тривия объединяются понятием филологии.

В социальном отношении гуманисты рассматривали себя как «педагоги граждан» в противоположность университету как корпорации преподавателей знания для соискателей профессии. Иначе говоря, социальная роль гуманистов: определение социокультурного камертона и политического горизонта, что ярко проявилось в период Реформации. А также научной и экономической перспективы, ибо маршрут новоевропейской науки: вначале академия, затем университет.

Академии возникают уже в XV в.: первая – в Кареджи, Флоренция (1462), созданная деньгами Козимо Медичи и трудами Марсилио Фичино, затем в Неаполе (Понтано), Риме (Лето). В XVI в. в той же Флоренции – делла Круска (1583). В начале XVII в. в Риме возникает знаменитая Академия «рысеглазых», деи Линчеи (1603), чье название само по себе составляет лексический и семантический клубок: здесь слышится имя ясноглазого аргонавта Ликейя (Ликеевы глаза) и ассоциации с особой миссией Аристотеля (Ликей, Ликейон), и традиционная острота зрения и мягкая поступь рыси (Лунх). В Париже учреждается «Академия бессмертных» (1635), а в Лондоне – «Королевское общество» (1662).

Каденция сюжета – встреча в том же Риме на Благовещение ровно 365 лет спустя после основания деи Линчеи и со столь же немногочислен-

⁷ Искусство Нового времени – это не религиозные артефакты (чье переосмысление происходило в несвойственных времени создания категориях) и не древнегреческое «технэ» (универсальность мастерства *per se*), но средство трансляции мировоззрения в социальную и частную среду. В том числе – и с какого-то момента главным образом – в категориях эстетики, то есть в качестве животворящего эликсира: средства поддержания поступательной витальности Модернити. Динамика процесса и конкуренция его версий отражались в стремительной по историческим меркам смене и разнообразии стилей. Другими словами, искусство проявляет себя как продукт и специфический аспект секуляризации – ее альтернативный источник и одновременно инструмент трансляции ценностей, невербальной фиксации принципов: духовных, социальных, культурных координат общества. Революции в искусстве – симптом тектоники социополитических потрясений, и более того, их фермент, генетика. Так специфика нынешнего транзита в искусстве сопряжена со своеобразным удержанием (подобно моделям операций с плазмой) и последующей капитализацией нематериальной субстанции витальности, то есть с распространяющимся осознанием, но одновременно и вульгарной прагматизацией (опошлением) постулата: искусство это не предмет (и тем более не вещь), а событие и воздействие (влияние).

ным составом участников, но после более многолюдного собрания на релевантной сюжету вилле Фарнезина. Встреча, результатом которой стало основание Римского клуба – академии XX в., венцом же деятельности мыслился *Fogum Humanum* (также непростое название, рождающее смысловые ассоциации).

Ренессанс и апокатастасис

Тема, требующая отдельного разговора – духовная, интеллектуальная, историческая альтернатива гуманизму, наметившаяся приблизительно в то же время в Византии. У данного сюжета несколько траекторий и регистров.

На поверхности – сопоставление возможностей и затруднений, связанных с различием катафатического и апофатического миропознания. И с прерыванием исихастской традиции как явления, могущего иметь не только духовные, но также интеллектуальные, социальные, политические следствия⁸. Богословское же измерение проблемы представлено знаменитыми диспутами Варлаама Калабрийского и Григория Паламы. Сегодня в подвижной, приближающейся к турбулентности вселенной у этого давнего спора проявляются пульсирующие, едва ли не кровоточивые измерения, затрагивающие судьбу цивилизации.

Кризис мировидения, сомнения относительно доброкачественности обретаемого цивилизацией имущества, достоверности карт будущего, оценки самой сути знания, его стратификации, целей и форм образования возвращают к скрытой под покровом и суестью времени развилке истории.

В чем естество истинного знания, гарантия подлинности его начал? Что мы познаем и что развиваем? Посредством чего обретается полнота бытия? И ради чего? Является ли знание целью и ценностью, за которой стоит отправляться в путь длинную в жизнь, а жизнь преобразовать в историю? Универсальна ли его природа, а владение – надежно ли? Насколько можно полагаться на полученное таким образом имущество? Или же накопление постижений, закономерностей, аргументов, инструментов содержит вероятность неожиданной их девальвации, порчи, утраты, превращения сокровищницы в умопомрачительную грудку черепков? Либо даже, подобно вышедшему из-под контроля зверю, таит угрозу однажды обратиться против хозяина и погубить, разорвать его?

Но, быть может, знание синергично: своего рода заем, выданный под доброкачественный проект, однако с возможностью отзыва капитала из-за просроченных долгов? Иначе говоря, его субстанция обладает комплексной природой, а процесс познания – это персональная история соития с подлинностью. Причем статус прозрений в значительной – едва ли не определяющей – мере зависит от состояния субъекта и взыскуемой цели.

⁸ См.: Александр Неклесса. Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности // Русская идентичность. Дорога жизни. – М.: ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, 2012 (www.intelros.ru). 06.02.13 15:28. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Znat-znachit-byt>

В XIV в. проявились минимум две обоснованные позиции, связанные с пониманием природы *интеллигенции*, способов ее обретения и трансляции.

Первая, если максимально кратко прописать логику рассуждения, определяла знание как своего рода эликсир, обретаемый человеком посредством уникального качества, отличающего его от иных земных существ, – разума, то есть как безличную субстанцию, накапливаемую, сублимируемую, производящую трансмутацию личности. И посредством заключенной в «умном знании» энергии (силы) предоставляя также возможность изменять окружающую среду.

Особенность другой позиции – в понимании знания как следствия резонанса двух природ, энергичное соучастие которых в человеке позволяет опознавать подлинную суть явления, истинное состояние объекта, ситуации. Наличие и пролонгация (удержание) подобного статуса требует не столько усилий ума либо памяти, сколько достижения подвижническим усилием состояния (объема бытия), позволяющего природе познающего (сердцу, ибо «сердце наше есть сокровище мысли») обрести когерентность с иным, могучим естеством.

Таким образом, не накопление знаний трансформирует субъекта, но усилия по аутотрансформации, энергетика взаимодействия дают надежду на обретение способности (дара, а не собственности) постижения сути вещей и явлений, то есть контакт с подлинностью. Ключевой момент – отклик, вступление в личностный диалог. Новое знание приходит не из изучения прежнего, являющегося организующей дисциплиной ума. Главный источник – постижение новизны как иного порядка, приходящее в озарении: объятиях души духу истины.

Путь познания не исключает сбоев, затемнений («ночь души»), не ограждает от возможности искажений в процессе удержания, освоения, трансляции. Даже отчетливо познанные закономерности не являются гарантированно неизменными, без потери качества отчуждаемыми от познающего. Живое знание порой настолько точно, чтобы не сказать – персонально, что внешне изменчиво, ибо подвижно, будучи в прямой связи с переменами актуального состояния познаваемого/познающего, являясь эссенцией конкретного (виртуального) статуса феномена.

Тем не менее слепки-реплики от опознанных маршрутов на специфической дорожной карте, верифицированные опытом, экспериментом, обретают автономное существование, так как, эксплицируя постигнутые закономерности, они в большинстве случаев применимы – путем распространения соответствующих прописей – и в иных, схожих ситуациях. Однако все же с важной оговоркой об их относительности – то есть отсутствии гарантий неизменности в изменившейся (по каким-то многообразным параметрам) ситуации. Знание обретается ради истины, а не вместо нее. Другими словами, познанные и декларируемые законы, хотя и отражают конституцию природы, все же не являются абсолютом и могут меняться или оказываются значительно более сложными, нежели представлялось.

Но главное, пожалуй, иное. Трансмутация, то есть обретение и удержание личностью особого статуса, имеет целью не операции со знанием как таковые: акт познания истины дает шанс со-присутствия в оной (сейчас скажали бы «преодолевая асимптотический предел»), что изменяет познающего и делает его свободным. Суть процесса не обретение знания для прикладной задачи – перемене условий жизни, а прямой путь к энергийному со-бытию: перманентной встрече, которая есть цель и смысл человеческой жизни.

Принципы, заложенные в основания альтернативных позиций относительно природы знания, предопределили существенные различия в практике миростроительства.

Признание обезличенной («цифровой») природы накопления знаний стало источником изошренной механики, обретением и совершенствованием протезов, замещающих человеческие немощи, – субститутотом послушных духов, исполняющих желания. Синергийное же понимание истины предполагало заметно более сложную социальную, политическую, цивилизационную траекторию. В этом случае основой достижения истины являлось наличие и качество актуальных взаимоотношений, что делало сомнительным удержание когнитивной сокровищницы в единожды и навечно обретенной универсальной полноте.

Характер отношений с истиной предопределяет различия траекторий познания и в иных регистрах. Это либо преследование перманентно испытываемой, взвешиваемой на весах души полноты, получая ответ: *со-весть*, что включает личную ответственность за качество и последствия низведенных в мир, переданных знаний и умений. Либо динамичная экспансия, обезличенное суммирование и освоение найденного, допускающее нарастание дисгармоник не только относительно знания *per se*, но также нравственного качества («категорического императива») практических аппликаций. Высокая эффективность подобного подхода одновременно таит риски отложенных неурядиц. Из чего вытекают многообразные различия в логике технического и технологического развития, экономического действия, геометрии политического строя, архитектуры социального строительства.

Выбор позиции, подразумевающей ту или иную онтологию мировидения, в свою очередь предопределяет направление исхода из развилок-ловушек истории, регламент познания-действия, содержание культурной, социальной, политической стратегии. И в конце концов – генеральную композицию будущего: апофеоз той предельной ситуации, к которой, судя по всему, движется человечество.

TO KNOW IS TO BE. EDUCATION AS DEVELOPMENT

A.I. Neklessa

History is a permanent renovation of man. Today social universe is passing through a transition into a new, non-equilibrium and, possibly, permanently changeable state. The anthropological universe, being in a situation of struggle for the future, produces innovative forms of society organization. The sophistication of the socio-cosmos is provoked and accompanied by an axiological and epistemological crisis. It is also linked to the genesis of complex personality and the mastering of new cognitive spaces and self-organization codes. At the basis of the historical process is the revolution of consciousness – or, rather, personality evolution, which, in effect, is the main substance, the quintessence of history. In the course of its development, mankind has passed through several stages related to the spreading of one type of consciousness or another as the dominant one. The degrees of awareness and actualization of anthropological time: *containment* – the acquisition of an event line, the stitching of the fabric of being, “remembrance”; *inertia* – monotony, recurrence of the hours, “timeline,” “time frame”; *intention* – goal-directed time, “projections,” “phantasms”; *action* – realized time, “changes,” “heroism”; *awakening* – full-fledged being as a result of understanding one’s self as a personality freed from the tyranny of time and circumstances.

Key words: history, future, global transformation, civilization, world outlook, consciousness, reflective, synchronistic, diachronic, synergic and destructive thinking, personality.